

А.В. Филимонов
кандидат исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории ПсковГУ

ОТСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ИЗ ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЫ 3-ГО ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА (МАЙ 1944 Г.)¹

В результате полного освобождения Ленинграда от гитлеровской блокады и последовавшего за этим наступления войск Ленинградского фронта в январе – феврале 1944 г. значительная часть территории области была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. К концу февраля советские войска вышли на подступы к Пскову и попытались сходу прорвать линию гитлеровских укреплений «Пантера» севернее и южнее города, но бои не принесли ожидаемых результатов. После нескольких безуспешных попыток по приказу Ставки Верховного Главнокомандования (Ставки ВГК) решено было наступление приостановить и упорно готовиться к штурму вражеских позиций. Фронт под Псковом стабилизировался на линии Великое село – Подчерничье – Гора – Черняковицы – Бердово – Лажнево – Клишово – Барбаши – Ядрово, а советские части в течение четырех месяцев готовились к решающим боям: подразделения пополнялись людьми и боеприпасами, отрабатывались приемы штурма и форсирования, среди бойцов велась политическая работа и др. В апреле 1944 г. из войск левого крыла Ленинградского фронта был образован 3-й Прибалтийский фронт, в состав которого вошли 42-я, 54-я и 67-я армия, а также 14-я воздушная армия. Командующим фронтом, войскам которого предстояло освободить ряд псковских районов (в том числе Псков) и далее наступать в Прибалтику, был назначен генерал-полковник (с июля 1944 г. – генерал армии) И.И. Масленников.

На освобожденных территориях налаживалась мирная жизнь, но обстановка оставалась чрезвычайно сложной. Так, в Середкинском районе из 203 довоенных деревень уцелело лишь 24, а из 3149 домов колхозников – только 331. Население поэтому большей частью просиживало в лесах. «Живут скученно и грязно, в землянках, на 50% поражено чесоткой», - подчеркивалось в одной из сводок¹. А начальник Лядского РО НКВД Л.С. Журавлев отмечал: «Внутренние и внешние враги ведут свою подрывную работу, как на фронте, так и в тылу. Еще сложнее обстоит этот вопрос в освобожденных районах от немецкой оккупации. Оставшийся вражеский элемент, который насаждался немцами, будет еще долго вести подрывную работу»². И это были не просто слова. «В последнее время в районе участились случаи грабежей, бандитизма, убийств и т.д., – сообщалось в начале апреля 1944 г. из того же Лядского района. – Органами НКВД при помощи местного населения задержано дезертиров и других лиц, одетых в военную форму, занимавшихся бандитизмом и грабежами – 22 чел., при задержании все оказывают вооруженное сопротивление, в результате чего 10 марта был убит сотрудник НКВД. От убитого забрали оружие, лошадь и скрылись. 12 марта убита женщина – председатель колхоза. 28 марта группа вооруженных в количестве 4 чел. отбирала у населения Язвенского и Радосельского сельсоветов продукты питания и ценности... Дороги, идущие по району, находятся открытыми. Нет контрольных пунктов, отсутствуют заградительные отряды военных подразделений. У военного коменданта пос. Ляды нет даже гарнизона, и он находится в единственном лице...». В качестве конкретных мер руководство района предлагало «провести» проческу населенных пунктов и лесов..., установить контрольные пункты на путях передвижения Красной Армии, создать истребительный отряд в 30-40 чел., подчинив его РО НКВД...»³.

Аналогичным было положение и в других освобожденных районах, поэтому принимать жесткие меры необходимо было в масштабе области. 22 марта 1944 г.

---

¹ Материалы десятых Псковских архивных чтений, 19 ноября 2015 г. Псков: Стерх, 2016. С. 209–224.

последовал приказ командования в/ч № 67716 «Об изъятии от местного населения и партизан в освобожденных районах Ленинградской области боеприпасов, оружия и военного имущества в полосе, занимаемой в/ч 67716». Всем имевшим на руках оружие (без соответствующего на то разрешения) предписывалось сдать его в кратчайшие сроки, за невыполнение приказа привлекать виновных к ответственности «по законам военного времени»⁴. А Ленинградский облисполком 27 марта 1944 г. принял решение «О режиме на освобожденной от противника территории», которым вводил строгий порядок учета, регистрации и передвижения населения. Все граждане обязаны были в срок до 1 апреля зарегистрироваться по месту жительства, за уклонение от такового они подлежали наказанию «по законам военного времени». Запрещалось передвижение гражданского населения из одного района и сельсовета в другой без разрешения органов НКВД, всякое хождение – в одиночку и группами без соответствующих пропусков – по лесам и т.д.⁵. Делалось это не только во избежание проникновения вражеских элементов и лазутчиков в расположение воинских частей в преддверии решающих боев за Псков, но и в целях обеспечения безопасности гражданского населения. В ходе боев, к которым упорно готовились части и соединения 3-го Прибалтийского фронта, неизбежны были не только военные потери, но и массовая гибель мирного населения, и в целях сведения их к минимуму были приняты новые чрезвычайные меры.

В соответствии с директивой Ставки ВГК № 202903 от 4 мая 1944 г. Военный Совет 3-го Прибалтийского фронта на следующий день (5 мая) принял постановление о создании прифронтной полосы на глубину 25 км, в которой запрещалось проживание и доступ в нее гражданского населения, т.е. предстояло провести массовое отселение за пределы этой полосы всех мирных жителей. В тот же день, 5 мая 1944 г. постановление командования было подтверждено решением Ленинградского облисполкома «Об отселении населения из прифронтной полосы». Касалось это мероприятие семи псковских районов – Гдовского, Полновского, Середкинского, Псковского, Карамышевского, Славского и Сошихинского, а также Кингисеппского и Сланцевского. «Провести в срок до 18 мая 1944 г. отселение всего гражданского населения указанных районов, находящегося во всех населенных пунктах в 25-километровой прифронтной полосе, за пределы тыловой границы...», – гласило решение. Отселенные должны были размещаться в пределах своих или соседних районах – на территории сельсоветов за 25-километровой прифронтной полосой. «Обязать председателей райисполкомов организовать переселение населения с таким расчетом, чтобы восстановленные колхозы доприселялись к другим колхозам, находящимся в тыловой полосе, и обеспечить выполнение установленного для них плана сева», - отмечалось далее в решении. Помощь транспортными средствами должны были оказать районам и сельсоветам военные советы армий, на расположенные поблизости воинские части возлагались также обязанности взять под охрану все оставленные в местах отселения постройки и имущество⁶.

К отселению жителей предписывалось приступить немедленно после принятия указанных документов, к тому же сроки для выполнения мероприятия были чрезвычайно сжатыми. Во всех районах, которые в той или иной степени затрагивал процесс отселения, мероприятия проходили по единому сценарию: райкомы партии и райисполкомы составляли планы, утверждаемые их совместными постановлениями, проводились собрания районного актива с разъяснением задач и порядка отселения, в сельсоветы и колхозы для проведения разъяснительной работы среди населения и оказания необходимой помощи направлялись уполномоченные районных организаций.

Но, как оказалось, на местах изначально была допущена медлительность и нерасторопность, и порой не по вине районных руководителей. «Приказ по отселению с прифронтной полосы штабом 42-й армии был дан 6 мая, - докладывала в Ленинградский обком ВКП(б) первый секретарь Полновского райкома партии Е.М. Петрова, - но мы об этом узнали только тогда, когда я была вызвана в штаб 42-й армии, т.е. 8 мая 1944 г. Будучи в штабе, я по телефону договорилась с т. Никитиным (секретарь обкома) и т.

Семиным (зам. председателя исполкома облсовета) о том, что отселяться мы будем в свой же район, но одновременно просила, чтобы в наш район не вселяли никого из других районов (в частности, из Середкинского района). Тов. Никитин и Семин дали свое согласие на это. Прибыв из штаба в ту же ночь (с 8 на 9 мая) вместе с председателем райисполкома т. Козыревым составили план отселения... 9 мая вынесли общее постановление райкома и райисполкома... В тот же день (9 мая) собрали районный актив...»⁷. Следовательно, в Полновском районе практическая работа по отселению жителей началась с опозданием на несколько дней.

Аналогичная задержка с началом чрезвычайного мероприятия случилась и в других районах, например, в Псковском, хотя здесь решение о начале отселения было принято уже 6 мая 1944 г. Но «по имеющимся в райкоме и райисполкоме сведениям, переселение и подготовка к переселению жителей района проходит крайне и недопустимо медленно, - отмечалось в письме руководства Псковского района всем председателям сельсоветов. - 8 мая ни в одном сельсовете к переселению еще не приступили, а председатели сельсоветов и колхозов все судят и думают, как быть с зерном и вещами, и плачутся...». «Сейчас не время и не место для таких длинных разговоров, - предписывали райком и райисполком. - Надо действовать немедленно. Нужно исходить из того, что чем раньше мы попадем на место переселения, тем лучше устроимся для жилья, значит, тем лучше обеспечим свое будущее. Работу по переселению нужно организовывать, как указано в постановлении райкома и райисполкома от 6 мая. Зерно, семена, картофель собрать на базы по колхозами сельсоветам, свезти в мешках и ящиках и обеспечить охрану. Перевезем, как только улучшат дороги. Все взрослые должны идти пешком, и чем скорее, тем лучше»⁸.

При всех, даже объективных причинах, задержка и медлительность с началом отселения жителей была непозволительна, т.к. переселить на новые места предстояло огромную массу людей, да еще и с имуществом. Особенно актуальным это оказалось именно для Псковского района, т.к. здесь необходимо было отселить жителей практически со всей освобожденной его части на территорию соседних районов. «Задача поставлена трудная, - подчеркивалось в письме райкома ВКП(б) от 10 мая 1944 г. всем сельсоветам. - Необходимо переселить целый район, и в короткий срок. Но это задача выполнимая. Немцев бить нелегко, но мы их бьем и расколотим. В приказе о переселении выражается забота о русских людях, о их безопасности, о их будущем. И наша задача: несмотря на трудности, везде и всюду проявлять заботу о людях, и быстро выполнить приказ о переселении как боевой приказ Родины». На вопросы отдельных граждан, надеявшихся остаться в родных местах, - «Можно ли остаться в местных лесах?», райком партии однозначно разъяснял: «Нет. Наш район отселяется полностью. Все, кто останется в лесу самовольно, будет привлечен к ответственности по закону военного времени как нарушитель боевого приказа. Разъясните населению, что с такими делами не шутят». На вопрос же о том, как поступить с семенами, особенно с картофелем, следовало разъяснение: «Семена нужно вывезти, т.к. в новых местах будем сеять. Собрать все поближе к хорошим дорогам для вывоза. Население возьмет с собой только самое необходимое. Хлеба и картофеля брать с собой из расчета на месяц, иначе перегружается транспорт»⁹.

В зоне действий 42-й армии из 9 сельсоветов Псковского района (Великопольского, Остенского Лиховского, Тупицкого, Залитского, Цаплинского, Больше-Жезловского и Клишовского) подлежало отселению 8982 чел. (в том числе 3358 трудоспособных), а также 383 коровы, 404 головы овец и коз. В этих сельсоветах насчитывалось 47 колхозов, в расположении которых имелось 140 лошадей с телегами и до 60 лошадей без телег. С помощью этой тягловой силы и пешим порядком предстояло осуществить переселение жителей на территорию нескольких сельсоветов Новосельского и Струго-Красненского районов. В зоне действия 67-й армии и 5 сельсоветов Псковского района (Рашневского, Мелиховского, Москвинского, Ружского и Краснопрудского) необходимо было переселить в сельсоветы Славковского района 7253 чел. (в том числе 2066

трудоспособных), 255 коров, 8 овец и коз. В расположенных здесь 5 колхозах имелось 110 лошадей с телегами и 50 лошадей без них, но последних предстояло использовать в парных повозках и под вьюками. По согласованию со штабами армий в помощь каждому сельсовету сроком на 10 дней выделялось из воинских частей по 20 лошадей и по две автомашины. При этом скот эвакуировался гоним в сопровождении специально выделенных погонщиков по специально определенным маршрутам. Таким образом, из Псковского района необходимо было отселить в безопасные места в общей сложности свыше 16 тыс. чел. Но переселялись не только люди, но и районные организации и учреждения, которым надлежало развернуть свою деятельность на новых местах. Псковский райком ВКП(б) и райисполком, например, расположились на территории колхоза «Серп и молот» Струго-Красненского района¹⁰.

При проведении кампании необходимо было соблюдать строжайший порядок и дисциплину: передвигаться только по определенным маршрутам, не допуская отклонения от них, как и отставания от групп отдельных граждан, на новых местах все граждане обязаны были пройти санитарную обработку и медицинский осмотр, не говоря уже о том, что запрещались всякие самовольные отлучки и передвижения. Необходимо было также проверить наличие скота, инвентаря и имущества, во всех пунктах и лагерях установить по очереди ночные дежурства, привести в порядок имевшиеся пожарные средства, организовать для заболевших изоляторы, оборудовать бани и др. Из Псковского района отселение прошло в целом организованно, удалось не только переместить большую массу населения, но и вывезти 3,5 тыс. т сельскохозяйственных грузов. Но районные власти даже после истечения определенных для этого сроков не могли не отметить, что «план переселения не выполнен до сих пор: не перевезены семена и продовольственные фонды колхозов, некоторые хозяйства отстали в пути, допущено распыление...». Устранить все недочеты надлежало в срок до 25 июня 1944 г.¹¹

Не меньшее число жителей подлежало отселению из Середкинского района. Решение об этом райком партии и райисполком приняли только 11 мая 1944 г., поэтому срок отселения оказался еще более сжатым: его надлежало реализовать в течение недели – с 13 по 20 мая. Районный центр из Середки переносился в пос. Низова. Из 15 сельсоветов (из 13 полностью и 2 частично) предстояло переселить в соседние Полновский и Новосельские районы и частично разместить на территории своего района 13506 чел. (в том числе 5400 детей, а вместе с ними перевезти 128 т семенного зерна и 249 т картофеля. Но получилось так, что большая часть отселенных жителей (9616 чел.) оказалась все же в своем районе – в 7 колхозах Гридинского и Колядухинского сельсоветов, т.к. за отсутствием транспорта отселить людей на дальние расстояния не представилось возможным. Помочь транспортными средствами должны были части 42-й армии, но помощь оказалась мизерной и не обеспечила потребностей: даже к концу мая не удалось вывезти около 700 т оставшихся грузов. В эти же сельсоветы Середкинского района переместились жители двух сельсоветов Псковского района в количестве 3200 чел., в результате здесь образовалась большая скученность населения. Не было возможности обеспечить вселившихся землей, пастбищами, создавалась угроза эпидемических заболеваний (отдельные случаи уже были). Поэтому бюро Середкинского райкома ВКП(б), обсудив 31 мая 1944 г. итоги кампании по отселению жителей, обязало сельсоветы и колхозы обеспечить вывоз оставшихся грузов в срок до 5 июня, и просило руководство Ленинградской области поставить вопрос перед Военным Советом 3-го Прибалтийского фронта о сокращении прифронтной полосы до 10 км или же дать указание о полном отселении жителей района за его пределы¹².

Но приказ об изменении 25-километровой прифронтной полосы пересмотру не подлежал, поэтому необходимо было изыскивать другие меры по устранению скученности населения. Полностью предотвратить его, однако, не удавалось. Так случилось, например, в Полновском районе, где отселение началось 10 мая 1944 г. и в течение десяти дней – к 20 мая было закончено. Осталось, однако, перевезти еще

некоторые грузы – имущество колхозов и колхозников, в том числе семена для весеннего сева. Для охраны их в каждом колхозе было оставлено по три наиболее проверенных колхозника, а к 3 июня весь груз удалось вывезти. Всего в Полновском районе было отселено 6203 чел. (5879 чел. из колхозов и 329 рабочих и служащих из райцентра). Кроме того, было отселено 964 беженца, эвакуированных германскими властями в период оккупации из пригородных районов Ленинграда, а теперь получивших разрешение вернуться в родные места. Вдобавок пришлось перевезти свыше 3000 колхозников Середкинского района и свыше 1000 беженцев Середкинского и Псковского районов, прибывших ранее в Полновский район на лодках: их перевозили на попутных машинах на станцию Ямм. Следовательно, в Полновском районе пришлось отселять в общей сложности свыше 11 тыс. человек. Большую помощь в отселении жителей и беженцев, перевозке грузов оказали воинские части. Член Военного Совета 42-й армии генерал-майор Панюшкин дважды лично приезжал в район, постоянно интересовался ходом отселения и работой выделенного транспорта по телефону: в период с 14 мая по 5 июня постоянно работали 9 автомашин, которые перевезли свыше 2000 чел. и 1500 т. груза.

С отселением в Полновском районе нужно было спешить, потому что к началу его появились вспышки сыпного тифа. Заболевания начались в Подборовском и Драготинском сельсоветах среди эстонцев, эвакуированных частями Красной Армии из Эстонии (с острова Пийрисар на Чудском озере): всего заболело 68 чел. В этих сельсоветах был введен карантин, проведена санитарная обработка всего населения, заболевшие переселены в пустующие деревни и хутора (оттуда эстонское население было угнано немцами в сентябре 1943 г. в Германию), а 18 мая началось отселение здоровых жителей. Осложнило положение и то, что, несмотря на договоренность не вселять в Полновский район жителей из соседних районов, Военный Совет 42-й армии настоял на обратном: на территорию Елешенского и в две деревни Наумовщенского сельсовета решено было переселить население двух сельсоветов Середкинского района. На деле же переселенцев оказалось больше. «Положение в Елешенском сельсовете очень тяжелое, - отмечал Полновский райком ВКП(б). – Вместо двух сельсоветов туда переселены пять сельсоветов Середкинского района, что создает скученность населения, невозможность создать нормальные жилищные условия, возникли вспышки эпидемий. Кроме того, отселенные имеют много скота (по две коровы в хозяйстве, овец, телят, свиней). Наши же колхозники в свое время весь скот сдали партизанам, и видя, что колхозники Середкинского района имеют скот в личном пользовании, государству ничего на сдают – это создает нездоровое настроение...»¹³. В связи с произведенным отселением переместился и центр Полновского района: районные организации расположились в деревнях Жуковское и Новое Загорье Горско-Роговского сельсовета¹⁴.

Отселение коснулось и Гдовского района, где тоже были свои проблемы: всего из 75 колхозов предстояло отселить 9671 чел., а помимо них еще 1963 осевших в районе беженца. Почти половина их (4020 чел.) отселялась в Лядский район, а 1824 чел. предстояло отселить за реку Плюссу. Последнее обстоятельство поставило районных руководителей в затруднительное положение: в районе не было через Плюссу ни одной переправы, к тому же не хватало тягловой силы, и они выражали большое сомнение в возможности провести мероприятие в течение отведенных десяти дней. Гдовский райисполком предложил пойти на частичное изменение принятого решения: переселять жителей не за реку Плюссу, а в сельсоветы своего района, не подлежащие отселению – Подборовский, Черемховский, Афанасьевский, т.е. расположенные по левому берегу Плюссы. Граждане районного центра, в соответствии с решением Ленинградского облисполкома от 5 мая 1944 г., вообще не переселялись: в Гдове был установлен строгий режим, запрещавший въезды и выезды из города без специального разрешения органов НКВД¹⁵.

В Карамышевском районе решено было в первую очередь производить отселение из колхозов, ближе всех расположенных к фронтовой полосе, шоссе и железным

дорогам, а в связи с недостатком гужевого транспорта создавались бригады колхозников для переноски личного имущества и продовольствия. Это было возможно, т.е. отселение здесь производилось большей частью в пределах своего района, – из одних сельсоветов в другие. Для успешного проведения посевных работ и во избежание скученности населения руководство Карамышевского района, как и Середкинского, тоже пыталось добиться частичного изменения приказа об отселении: просило не переселять из 25-километровой полосы населений нескольких деревень (Подлипые, Подубье, Заборовье, Ильина Гора и др.)¹⁶ Внутрирайонным оказалось отселение и в Славковском районе, где в соседние сельсоветы (а иногда и на границах своих сельсоветов) переселялись колхозники 24 артелей¹⁷. На территорию Горбовского сельсовета Славковского района отселилась часть колхозников из Сошихинского района, в остальном же там преобладало внутрирайонное население¹⁹.

В результате проведенного мероприятия 25-километровая прифронтальная полоса, затронувшая ряд псковских районов, за короткое время стала безлюдной. Население при возобновлении военных действий теперь подвергалось гораздо меньшей опасности, но отселение породило и немало проблем. Прежде всего, оно начало производиться после того, как некоторые колхозы и жители уже успели провести полевые работы – вспашку полей, посев на некоторых участках полевых и огородных культур, остались в прифронтальной полосе и посева озимых, постройки, немалая часть имущества. Все это необходимо было охранять, за посевами и посадками требовался уход, не за горами была и уборка урожая, а к тому же отселенным жителям неизвестны были сроки отрыва их от родных мест. Поэтому руководители районов стали обращаться к военному командованию с просьбами о разрешении частичного въезда на отселенную территорию. И 24 июня 1944 г. Военный Совет 3-го Прибалтийского фронта «в целях предоставления колхозам, отселенным из 25-километровой прифронтальной полосы, возможности ухода за огородами, посевами и уборки урожая» разрешил на период с 1 июля по 1 октября 1944 г. допуск в указанную зону колхозных бригад. Но в этом деле устанавливался строгий порядок.

Пропуск в прифронтальную полосу производился по спискам райисполкомов, и только организованным колхозным бригадам на срок, потребный для выполнения определенных видов работ (прополки, полива, уборки). Все допущенные в отселенную полосу бригады должны были размещаться компактно-казарменно, одиночные проживания категорически запрещались, полевые работы производились исключительно в дневное время и лишь на удалении 5 км от линии фронта. В 5-километровой полосе уборка должна была производиться воинскими командами, а весь собранный ими урожай предназначался для довольствия войск фронта. Исключение делалось только для побережья Чудского озера: на участке от Городища до Путькова разрешался допуск на всю глубину отселенной полосы колхозным бригадам. Переход или проезд на территорию 25-километровой полосы разрешался только в установленных пропускных пунктах («воротах»), в других местах он категорически запрещался, а выдача пропусков колхозным бригадам осуществлялась командованием войск НКВД по охране тыла фронта. После завершения работ и истечения срока действия пропуска бригады возвращались тем же маршрутом на прежние места. За нарушение установленных правил, виновные привлекались к ответственности по законам военного времени. Военный Совет фронта помимо допуска бригад разрешил каждому отселенному колхозу оставить в прифронтальной полосе для охраны имущества по одному – два сторожа, которые тщательно проверялись органами НКГБ и снабжались ими специальными удостоверениями¹⁹.

Но не менее сложные задачи стояли перед жителями в местах вселения, где предстояло в короткий срок наладить нормальную жизнедеятельность и организовать сельскохозяйственное производство. На новых местах необходимо было срочно решить проблемы с жильем для огромной массы населения. Решалась она чрезвычайными

методами: отселенцы просто подселялись в порядке уплотнения в дома местных жителей, занимались пустующие избы, использовались также для компактного расселения хозяйственные постройки – сараи, гумна, риги, амбары, часть людей размещалась в палатках, шалашах и землянках, - благо процесс отселения пришелся на теплое время года – весну и лето. В приказах и постановлениях об отселении из прифронтной полосы, правда, не оговаривались сроки пребывания отселенных в новых местах. Все зависело от сроков возобновления военных действий и наступления войск Красной армии, которое должно было в конечном итоге привести к освобождению оставшихся под властью оккупантов районов Псковщины. В случае затягивания времени наступления с неизбежностью вставала проблема обустройства отселенных в условиях наступления холодов.

Отселение произошло во время посевных работ, затем пришло время сенокоса, и независимо от того, где будут находиться переселенцы в перспективе – вернуться на прежние места или задержатся здесь на долгий срок, необходимо было производить сельскохозяйственную продукцию, обеспечить кормами скот, а для этого заняться полевыми работами и сенозаготовками. Переселенцы в подавляющей своей массе это хорошо понимали. «Настроение всего населения в период отселения здоровое, бодрое, никаких резких выпалов или отказов от переселения не было, - отмечал, например, Полновский райком ВКП(б). – Прибывая на новые места, колхозники включаются в весенний сев, в проведение земельных работ и др.». Подобные настроения были характерны, в первую очередь, для жителей, подвергшихся отселению в пределах своих районов, а вот поведение оказавшихся вдали от родных мест и чувствовавших себя «временщиками» порой было другим. Так, об имевших место негативных моментах сообщалось из того же Полновского района, где разместились отселенные из Середкинского района: «Скот середкинских колхозников травит посеvy колхозов, выделенные им посевные площади не сеют, даже от приусадебных участков отказались, семена, полученные от государства, лежат в сараях неиспользованные». Руководство Полновского района в связи с этим попросило обком ВКП(б) «дать указание руководству Середкинского района, чтобы оно занималось размещением и организацией работы колхозов их района, находящихся в нашем сельсовете, или дать нам разрешение заниматься ими»²⁰.

Сложность была и в том, что в местах вселения (особенно там, где наблюдалось большое скопление отселенных) свободных земельных угодий и сенокосов не было, и обеспечить ими прибывших оказывалось очень трудно, если вообще возможно. Так было, например, в местах большой скученности населения в Середкинском районе, где имелось всего 650 га земельных угодий, в том числе пахотной земли только 350 га: их едва хватало для собственных нужд. Для выполнения плана весеннего сева переселенными в район колхозами им требовалось дополнительно не менее 688 га пашни, которых изыскать оказалось невозможно. Для скота переселенцев в этих условиях совершенно не оказалось свободных пастбищ. Аналогичным было положение и в ряде сельсоветов Полновского района, куда отселялись середкинские колхозники. По плану сева, утвержденному еще до отселения, в Середкинском районе предстояло засеять различными культурами 2080 га, в том числе 1360 га – зерновыми. Для этого требовалось 274 т семян, а в наличии было только 128 т, т.е. менее половины необходимого. Еще труднее была ситуация со снабжением сельскохозяйственной техникой. В Середкинский район согласно плану областного земельного отдела должно было поступить из Архангельской области 22 трактора, которые прибыли на станцию Гдов. Оттуда 18 машин двинулись своим ходом к месту назначения, но остановились в пути из-за отсутствия горючего. Остальные четыре трактора оказались неисправными и остались в Гдове. «Сейчас, когда развертываются важнейшие сельскохозяйственные работы (подъем паров, сенокос), районные организации встретились с неразрешимой задачей – с недостатком земли, пригодной к пахоте, в количестве 1200 га, и сенокосных угодий – 8200 га, - сообщало 29 июня 1944 г.

руководство Середкинского района. – В связи с этим создалась перспективная угроза обеспечения колхозных хозяйств в области продовольственной и кормовой базы...». Руководители района в этих условиях обращались к Военному Совету 42-й армии с просьбой разрешить проведение сельхозработ в отселенной зоне, допустив туда для подъема паров и сенокоса в общей сложности 820 чел.²¹ Обращение это последовало через 5 дней после того, как Военный Совет 3-го Прибалтийского фронта разрешил допуск в прифронтовую полосу колхозных бригад, и проблему Середкинского района хотя бы отчасти удалось разрешить.

Руководство Псковского района сразу же после завершения работы по отселению, 4 июня 1944 г. приняло специальное постановление, обязывающее все сельсоветы и колхозы «провести в новых местах сельскохозяйственные работы, хотя сроки сева уже прошли, сенокос», а также организовать специальные бригады по заготовке строительного материала у д. Гридино, где имелись залежи глины, - наладить производство кирпича-сырца, обеспечить работу школ, дошкольных учреждений, изб-читален и др.²² Отселенным с побережья Чудского озера рыбацким колхозам (прежде всего, Полновского района) был разрешен лов рыбы на всех местных водоемах, расположенных вне прифронтовой полосы. В то же время сенокосные угодья полновских колхозов вследствие отселения сократились на 4-5 тыс. га, что остро ставило проблему обеспечения скота кормами²³.

Обстановка сложилась так, что отселенные находились за пределами родных мест в течение непродолжительного времени – двух месяцев. Прорывом советскими войсками линии «Пантеры» южнее Острова 17 июля 1944 г. началась Псковско-Островская наступательная операция. 22 июля перешли в наступление войска 42-й армии – правого крыла 3-го Прибалтийского фронта, освободив 23 июля Псков и его окрестности. Далее путь их лежал в Эстонию, а районы Псковщины, которых коснулось отселение, были полностью освобождены от оккупантов. Линия фронта отодвинулась, перестало существовать и понятие «прифронтовая полоса». В обстановке новой реальности районные руководители сразу же после освобождения территорий стали принимать постановления о возвращении жителей на прежние места. Первым, уже 25 июля 1944 г. было принято совместное постановление Псковского райкома партии и райисполкома – «О реэвакуации Псковского района», предусматривающее возвращение сельсоветов, колхозов и населения к прежнему месту жительства. «Переселение должно проходить организованно и в строгом соответствии с указаниями штаба фронта и областных организаций», - подчеркивалось в постановлении. Перед возвращением жителей требовалось провести разминирование территории района, не допускалось расселение их в лесных лагерях, устанавливается порядок регистрации и прописки, проводилась санитарная обработка местности и медицинский осмотр всех переселенцев, а также требовалось немедленно приступить к развертыванию необходимой инфраструктуры – пунктов общественного питания, торговли и др. и проведению восстановительных работ. Впредь до особого распоряжения центр Псковского района пока оставался на усадьбе колхоза «Серп и молот» Струго-Красненского района, а 28 июля 1944 г. решено было перенести его в д. Лухново Сосновского сельсовета – в 3 км севернее Пскова, где районные организации размещались в здании школы²⁴.

Аналогичные решения принимались и руководством других районов, а узаконило начавшийся процесс постановление Военного Совета 3-го прибалтийского фронта «О допуске гражданского населения в 25-километровую прифронтовую полосу» от 29 июля 1944 г. «В соответствии с приказом Ставки ВГК, в связи с изменением линии фронта», Военный Совет фронта разрешил, начиная с 1 августа 1944 г. «возвращение гражданского населения, отселенного из 25-километровой прифронтовой полосы в мае с.г. к месту прежнего жительства на территорию до восточных берегов озера Чудское, озера Псковское, реки Великая, реки Синяя». Имущество, оставленное при отселении и взятое под охрану воинскими частями, возвращалось колхозам и населению. Въезд в населенные

пункты на указанную территорию разрешался исключительно населению, ранее проживавшему на этой территории до отселения, местным органам власти предписывалось установить организованный порядок переселения «колхозов, совхозов, предприятий и отдельных граждан по спискам после надлежащей их проверки». При этом устанавливалась запретная полоса шириной до 5 км по линии прохождения бывшей главной полосы обороны 3-го Прибалтийского фронта, которая обозначалась специальными знаками, и до полного ее разминирования и особого распоряжения население в нее не допускалось. Этим же постановлением Военного Совета фронта на райисполкомы возлагалась обязанность сформировать из местного населения специальные команды по разминированию, обучить их и немедленно приступить к работам по разминированию территорий²⁵.

Документов, проливающих свет на процесс возвращения отселенных жителей в родные места, к сожалению, не обнаружено. Можно предположить, однако, что произошло это в течение сжатого срока, как возможно допустить и то, что далеко не все жители возвратились на прежнее место жительства по причине уничтожения населенных пунктов в полосе действий 3-го Прибалтийского фронта.

ПРИМЕЧАНИЯ:

---

¹ ГАНИПО. Ф. 360. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

² ГАНИПО. Ф. 961. Оп. 3. Д. 1. Л. 2 об.

³ Там же. Д. 4. Л. 15.

⁴ ГАПО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁵ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1; Д. 52. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 51. Л. 5–7.

⁷ ГАНИПО. Ф. 638. Оп. 3. Д. 7. Л. 7.

⁸ ГАНИПО. Ф. 995. Оп. 3. Д. 26. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 16, 25.

¹⁰ Там же. Л. 1–2, 14–16, 62–63.

¹¹ Там же. Л. 49; ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 19.

¹² ГАНИПО. Ф. 360. Оп. 2. Д. 1. Л. 25–26; Д. 4. Л. 5–6; ГАПО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 50.

¹³ ГАНИПО. Ф. 638. Оп. 3. Д. 7. Л. 7–8.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 123. Л. 54.

¹⁵ ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 51. Л. 5; ГАНИПО. Ф. 136. Оп. 4. Д. 8. Л. 1, 2, 8, 16, 22.

¹⁶ ГАНИПО. Ф. 224. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-1092. Оп. 1. Д. 94. Л. 9, 17.

¹⁸ ГАНИПО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 1. Л. 23, 27; Ф. 799. Оп. 2. Д. 2. Л. 17.

¹⁹ ГАПО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 6. Л. 8–10, 24.

²⁰ ГАНИПО. Ф. 638. Оп. 3. Д. 7. Л. 8.

²¹ ГАНИПО. Ф. 360. Оп. 2. Д. 1. Л. 26; Д. 4. Л. 5–7; Д. 15. Л. 8; ГАПО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.

²² ГАПО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 19–20.

²³ ГАПО. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 123. Л. 38, 65.

²⁴ ГАНИПО. Ф. 995. Оп. 3. Д. 26. Л. 62–63.

²⁵ ГАНИПО. Ф. 338. Оп. 3. Д. 14. Л. 3–4.